

Е. Годэмэ

Общая теория обязательств

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 340
ББК 67.0
Е11

Е11 **Е. Годэмэ**
Общая теория обязательств / Е. Годэмэ – М.: Книга по Требованию, 2023. – 508 с.

ISBN 978-5-458-66682-4

Перевод с французского И. Б. Новицкого

ISBN 978-5-458-66682-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ФРАНЦУЗСКОМУ ИЗДАНИЮ

Эта книга позволит оценить, какой утратой была для французской цивилистической школы преждевременная смерть Евтения Годэмэ. Вместе с тем, она обогатит нашу юридическую литературу произведением, принадлежащим к числу наиболее совершенных, классических, специфически французских.

Количество печатных работ Годэмэ незначительно, но все, что вышло из-под его пера, отмечено такой эlegantностью и совершенством, которые делают написанные им статьи, этюды, брошюры небольшими шедеврами. Их, конечно, было бы достаточно, чтобы показать его значение и увековечить его имя; но эти опубликованные работы не могут дать полной картины его творчества и его личности.

Дело в том, что Годэмэ был прежде всего профессором, посвятившим педагогической работе большую часть своих сил. Прежде всего он обращается к своим слушателям. Его курс был и остается его основным произведением; лекции, которые он сам согласился дать в печать, являются в некотором роде только результатом этого курса.

В подробном отчете о его замечательных докладах по вопросу о толковании гражданского кодекса во Франции, сделанных им в Базеле, которые юридический факультет этого города решил опубликовать в знак уважения к его памяти и как свидетельство громадного впечатления, которое они производили на слушателей, — я выразил недавно желание, чтобы, по крайней мере, часть его курса гражданского права была, в свою очередь, напечатана. Его сыновья — Жан и Поль Годэмэ, с чувством сыновнего почтения (за которое я их благодарю и за которое им будет признателен весь юридический мир) пошли навстречу моему желанию. Они остановили свой выбор на центральной главе нашего гражданского права, на той части курса, которой к тому же их отец занимался особенно охотно и которой посвятил наиболее глубоко исследования, — на общей теории обязательств. Для того, чтобы сдать эту часть курса издателю, им не пришлось вносить каких-либо изменений в записки их отца, отредактированные с такой тщательностью, что они образовали уже рукопись целого тома. Они ограничились оформлением лишь некоторых мест, намеченных автором только схематически, до которых их студенческие воспоминания

позволили им правильно восстановить, а также дополнили курс небольшим количеством примечаний, характеризующих последнее состояние законодательства, судебной практики и науки. Они сократили до минимума свои личные дополнения¹ и преследовали только одну цель — восстановить в памяти слушателей и познакомить широкие круги читателей с преподаванием учителя, который составлял гордость юридических факультетов Дижонского, а затем — Страсбургского.

При чтении этих страниц встает в памяти его голос, которым он твердо и точно излагал результаты своего долгого труда по обработке и исследованию материала курса. Благодаря этому, нам сохранен важный документ по истории цивилистической науки — той истории науки, для занятий которой Годэма сам сделал вклад, такой оригинальный и увлекательный: дан курс, который сохранит и для последующих поколений все свое образовательное значение, даже тогда, когда он устареет ввиду изменений нашего положительного права.

Качества этой книги, действительно, таковы, что они делают ее классическим произведением.

Годэма в своих исследованиях опирался на исторический метод. Этот метод придавал привлекательность его беседе, осторожность его суждениям, проникновенность его взглядам. Наши юридические институты никогда не являются у него кристаллизовавшимися, они у него в постоянном развитии и: он прослеживает их эволюцию от римской эпохи до гражданского кодекса, а затем дает последующие преобразования на почве гражданского кодекса. «В праве нет ничего неизменяемого», — пишет он. И он восстает против той концепции, которая рассматривает обязательственное право, как чисто логическую конструкцию, понятие которой сложилось у римских классических юристов, было затем воспринято Потье и от него перешло в гражданский кодекс.

Ученик Салейля, Годэма был также крупным представителем сравнительного правоведения. На каждом шагу видно его глубокое знание германского и швейцарского гражданского права, которое давало ему право больше, чем кому-либо другому, занять место среди страсбургских ученых, и которое внесло в его работу столько оригинальных и глубоких взглядов.

Его книга показывает, что, владея умением описать развитие или различия институтов, он способен также проникать в них, анализировать и давать синтез всеми средствами юридической мысли. Глава, посвященная теории недействительных сделок, служит, наряду с многими другими, замечательным тому доказательством.

¹ Дополнения к первоначальному тексту даны в квадратных скобках. При этом ценное содействие было оказано Н. Deshois, профессором гражданского права в Гренобле, которому издатели выражают здесь свою глубокую признательность.

Но Годэма никогда не забывает, что юридические нормы существуют только в силу и ввиду общественных отношений, которые служат предметом их регламентации. «Право, — говорит он, — это — регламентированная общественная жизнь». Следовательно, изучение права нельзя оторвать от общественных наук. Институты права нельзя изолировать от обществ, в недрах которых они функционируют. Как историк и представитель сравнительного правоведения, он открыл себе, как цивилисту, эту важную истину. «Несомненно, — говорит он, — что обязательственное право менее тесно связано, чем вещные или семейные права, с политическим и моральным развитием, но обязательственное право связано с другой эволюцией, более медленной, но совершенно такой же реальной, особенно ускорившейся за последнее столетие, эволюцией торговой или, говоря в более общей форме, — экономической». Отсюда он приходит к определению, составляющему центральную тему книги и дающему ей удивительную силу и цельность: «Обязательство есть только одна сторона общественного явления, другой стороной которого является кредит. Обязательство это — кредит, рассматриваемый с юридической точки зрения; кредит — это — обязательство, рассматриваемое с экономической точки зрения».

Таковы главные качества книги. Их исключительно гармоничное равновесие, соединенное с элегантной формой и ясностью изложения, достигающими редкого совершенства, делают эту книгу одним из наших классических произведений по гражданскому праву.

Анри Капитан

*член Института, почетный профессор
Юридического факультета Париж-
ского университета*

ВВЕДЕНИЕ

Права, составляющие имущество, бывают двух категорий, права вещные и права личные. Вещные права были изучены ранее. Личные права составят, хотя и не единственный, но центральный предмет изучения в настоящей части курса. Прежде всего: мы должны определить личное право, а для этого противопоставить его праву вещному. Эту первую лекцию мы посвятим анализу двух названных понятий.

О собственнике, узуфруктуаре, субъекте сервитута прохода говорят, что они имеют вещное право. Заимодавец, продавец, не получивший покупной цены, имеют личное право. Обратимся к этим двум категориям примеров и проанализируем их, чтобы видеть, в чем заключается между ними разница.

I. Вещное право. Что мы наблюдаем в первой категории? Лицо (собственник, узуфруктуар и т. д.) имеет непосредственное господство над вещью, более или менее полное, но в тех размерах, в каких это господство существует, — абсолютное; это право лицо осуществляет без чьего-либо содействия; в этом случае нет надобности для извлечения экономических выгод, даваемых господством над вещью, обращаться к кому-либо обязанному доставить эти выгоды носителю права. Например, собственник имеет *ius utendi, fruendi, abutendi* (право пользоваться, извлекать доходы, уничтожить вещь); узуфруктуар — *ius utendi, fruendi* (право пользоваться и извлекать доходы); собственник господствующего участка имеет право проходить по служащему участку. В этих трех случаях господство является все более и более определенным и ограниченным, но и в наиболее скромном размере, в каком оно имеет место в третьем случае, как и в весьма широких размерах в первом случае, оно является прямым, в том смысле, что осуществляется без посредства другого лица, связанного с носителем права юридическими связями; господство это — абсолютное в том смысле, что не торпит чьего-либо участия. Носитель права действует самостоятельно и уверен, что один получит все практические выгоды, которые его право имеет целью ему дать.

Эти мысли были соединены Обри и Ро в единую, очень четкую формулу, которую можно признать классическим определением вещного права (5-е изд., т. II, § 172): «Вещными называются такие права, которые, создавая непосредственное и прямое отношение между вещью и лицом, власти которого эта вещь оказывается под-

личной более или менее полно, способны благодаря этому быть использованными не только против такого-то определенного лица, но и в отношении всякого другого».

Несмотря на свою ясность, это определение, быть может, не вполне юридически точно. Это показывает критика, которой оно подверглось со стороны Пляньюля (*Traité élémentaire*, т. I, 12-е изд., ном. 2159).

„Неправильно, говорит Пляньюль, утверждение, что вещное право устанавливает прямое юридическое отношение между лицом и вещью. «Прямое отношение есть только факт; у него есть свое наименование, это — владение. Отношение юридического порядка не может существовать между лицом и вещью; это был бы понсенс. По самому своему определению, всякое право есть отношение между лицами». В самом деле: «Дать человеку право на вещь было бы равносильным возложению обязательства на вещь в отношении лица, а это было бы абсурдно. Право может существовать только в пользу одного лица против других лиц, способных его переносить в качестве пассивных субъектов...» (ср. цит. соч., стр. 758, ном. 2).

Пляньюль предлагает такое определение: «Вещное право есть отношение, устанавливаемое между одним лицом, как активным субъектом, и всеми другими, как пассивными субъектами». Это не право лица на вещь, а это — право одного лица против всех других. Это — право, которое возлагает на всех обязательство уважать осуществление этого права его носителем. Вещное право с этой точки зрения было бы «обязательством, по которому обязанными являлись бы все третьи лица»¹.

Что сказать по поводу этого учения?

Начнем с некоторой уступки в его пользу. Совершенно правильно, что на всех и каждом лежит обязанность уважать осуществление вещного права, и что в этом самая яркая его внешняя характеристика. Но только нужно признать, что в основном эта идея уже заключалась в определении Обри и Ро в конце: «Право, которое допускает использование в отношении и против всех». А это — то же, что сказать: на всех и каждом лежит в отношении носителя вещного права отрицательная обязанность не мешать осуществлению его права.

Но что неприемлемо, это — толкование этого решения, верного самого по себе. Вещное право, говорит Пляньюль, не порождает непосредственного и прямого отношения между субъектами

¹ Ср. Michas, *Le droit réel considéré comme une obligation passivement universelle*, thèse Paris, 1900; Quèru, *Synthèse du droit réel et du droit personnel*, thèse 1905. Логическое развитие этой идеи приводит к тому, что понятие вещного права делается частным случаем, выводимым из понятия личного права.

Автор более смелый приходит к отрицанию двух категорий прав; нет права вещного и права личного; существуют права одинаковой природы, но их пассивные субъекты в отдельных случаях более или менее многочисленны. См. Demogue, *Notions fondamentales de droit privé*, 1911, стр. 440 и сл.

и вещь, потому что не может существовать юридических отношений между лицом и вещь. Действительно, на вещь не может лежать обязанности в отношении лица.

Против этой мысли можно выставить три возражения:

(1) Могут существовать юридические отношения между лицами и вещами так, что этим на вещь не будет возложено обязанности. Совершенно верно, что на вещь не может лежать обязанности, вещи не могут быть пассивными субъектами прав так же, как и активными. Но они могут быть объектами прав; а это только и хотят сказать, когда говорят о юридических отношениях между лицами и вещами. Вещь, обремененная вещным правом, есть объект права, осуществляемого на нее прямо и абсолютно, без посредничества и содействия; вот все, что обозначается первой частью классического определения. В этом нет ничего неверного, а тем более — абсурдного.

(2) Нельзя рассматривать понятие вещного права, как производное от понятия личного права. Исторически скорее правильно обратное: личное право является перерождением, правом, производным от права вещного: например, в древнейшем римском праве право кредитора против должника есть почти вещное право на личность (теория *nexum*, положение *nexi*, рабство за долги). Позднее право кредитора становится менее суровым. Оно становится главным образом правом на имущество, менее сильным, чем право вещное. Это — противоположно той эволюции, какая содержится в теории Пляньюля.

(3) Очень понятно, что прямое отношение между лицом и вещь становится отношением правовым, а не фактическим, как говорит Пляньюль. При возникновении социальной организации оно, несомненно, является только материальным обладанием, простым владением. Но это фактическое обладание продолжается, укрепляется; защита его кажется соответствующей общественному интересу; право его защищает. Фактическое состояние превращается в правовое; это — то, что происходит еще теперь на наших глазах в случае приобретательной давности. Можно логически и исторически понять происхождение вещного права, не делая из него формы обязательства. Это — то, что называют заимствованным у Ориу термином, — *и н с т и т у ц и о н н ы м* происхождением вещного права (см. Rigaud, *Le droit réel, son origine institutionnelle*, thèse, Toulouse, 1912; Capitant, *Introd. à l'étude du droit civil*, 4-е изд., 1923, стр. 118 сл.; A. Colin et Capitant, *Cours élémentaire de droit civil*, 8-е изд., т. II, §§ 88 сл.).

Мы все-таки будем придерживаться определения Aubry et Rau, с изменением, однако, его заключительной части; только в этой части мы принимаем формулу Пляньюля. В результате мы скажем: «Вещными правами являются те, которые, создавая непосредственное, прямое отношение между вещь и лицом, власти которого эта вещь оказывается подчиненной в более или менее

полной мере, возлагают тем самым на каждого обязанность не мешать носителю права). Нужно усвоить, что эта обязанность не есть принцип и сущность вещного права, но только его принадлежность и последствие. Но это еще не достаточно точно. Нужно проанализировать заключительную часть формулы. Эта отрицательная обязанность, возлагаемая вещным правом на всех по отношению к носителю права, порождает два следствия, являющиеся необходимыми принадлежностями вещного права, его отличительными чертами: право преимущества и право следования (*le droit de préférence et le droit de suite*).

Право преимущества запрещает кому бы то ни было соперничать с субъектом вещного права, осуществляющим свое право. Если на одну и ту же вещь установлено несколько вещных прав, то в принципе ранг различных субъектов права определяется хронологическим порядком установления прав. Они осуществляют свое право одни после других, но каждый осуществляет свое право без участия других.

Например, лицо установило в пользу третьего лица вещное право, перенесло право собственности на одну из своих вещей. До передачи вещи лицо, установившее право, становится несостоятельным. Для субъекта вещного права это неважно: он истребует свою вещь из имущества несостоятельного. Он отстранит всякую другую претензию; он добьется полного осуществления своего права. Таков результат отрицательного обязательства не мешать субъекту вещного права.

Другой пример поможет нам выяснить, в чем состоит право следования. Установлено вещное право. Вещь выходит из имущества лица, установившего это право. Субъект сможет осуществить свое право против третьего приобретателя, хотя он с ним не договаривался. Он сможет следовать за вещью. Если бы он не имел вещного права, ему оставалось бы только искать возмещения ущерба с установителя права. Вещь была бы для него потеряна. Вот еще следствие отрицательного обязательства.

Прибавим к этому, что во французском праве строгие принципы права преимущества и права следования немного видоизменяются при их применении — правилами публичности. Большая часть вещных прав на недвижимости становится имеющей силу в отношении третьих лиц только посредством записи акта в публичном реестре в бюро ипотек. Этот принцип был установлен гражданским кодексом для дарений и ипотек (ст. 939 и 941, 2134) и распространен на большую часть вещных прав на недвижимость законом 23 марта 1855 г., ст. 13 (дополненным декретом — законом 30 октября 1935 г.). В результате, когда лицо имеет вещное право на недвижимость, должным образом внесенное в реестр записей, оно подвергается праву следования или праву преимущества других управомоченных лиц только в том слу-

час, если их права были записаны ранее, чем его право. Это практическое смягчение не подрывает принципа самого по себе.

Таким образом, прямое отношение между лицом и вещью, лежащее на всех обязательство уважать право субъекта, проявляющееся в праве следования и в право преимущества субъекта, — таковы характерные черты вещного права. С ними связана большая точность и сила права, большая обеспеченность для носителя права, а следовательно, и экономические выгоды.

Но эти выгоды имеют и обратную сторону: вещь, обремененная в пользу третьего лица, становится, в той мере, в какой она обременена, мертвым капиталом для держателя вещи. Когда владеют вещью, собственником которой является другое лицо, или на которую другое лицо имеет узуфрукт или сервитут, владеют только ничтожным или весьма сокращенным элементом кредита. Установление вещного права исчерпывает кредит лица, установившего это право, более, чем установление всякого другого права. С экономической точки зрения, это обратная сторона выгоды вещного права, только что отмеченной.

Как с юридической, так и с экономической точки зрения, мы найдем в личном праве полную противоположность вещному праву.

II. Личное право. Переходим ко второй категории случаев, указанных вначале, а именно, к личным правам. Следуя тому же методу, берем отдельные примеры и их анализируем.

Лицо дает другому взаймы 1 000 франков. Заемщик обязан вернуть эту сумму, займодавец имеет право требовать возвращения.

Лицо заказывает художнику картину. Художник обязан исполнить заказ, сделавший заказ имеет право на это исполнение.

Один купец договаривается с другим о том, чтобы он не открывал в том же городе однородное предприятие. Положение создается аналогичное.

Что мы видим в этих трех примерах? Только двух лиц: одно, называемое кредитором, другое — должником. Первое лицо имеет право потребовать от второго или предоставления (возврата ценности) в первом случае, или действия — во втором случае, или воздержания от действия — в третьем случае. Право первого лица есть право т р е б о в а н и я, обременение второго есть о б я з а т е л ь с т в о. В том случае, когда предмет этого обязательства служит предоставление денежной ценности, обязательство также называют д о л г о м.

Личное право, таким образом, есть п р а в о т р е б о в а т ь о т о п р е д е л е н н о г о л и ц а п р е д о с т а в л е н и я, д е й с т в и я и л и в о з д е р ж а н и я. Со стороны кредитора, это — право принуждения против должника; со стороны должника, это — юридическая необходимость, которой он должен подчиниться. Это — связь между двумя лицами; одно из этих лиц — активный субъект, другое — пассивный субъект личного права.

Бросается в глаза отличие от вещного права. Ни одного из элементов, только что установленных, здесь не найти: нет вещи, на которую субъект права имел бы исключительное право; нет всеобщей обязанности не стеснять субъекта права; правовое отношение, которое, в случае вещного права, существовало относительно и против всех, здесь существует только против одного лица, должника. Следовательно, здесь нет и права следования, нет и права преимущества.

Таким образом, положение кредитора гораздо менее благоприятно, чем положение субъекта вещного права. Его право не имеет такой точности, силы, обеспеченности, какие мы только что установили в вещном праве. У него нет права на вещь, но право против личности. Он имеет право воздействовать на волю. Если это другое лицо не может исполнить, право практически недействительно.

Не следует преувеличивать идею личного характера отношения и считать кредитора не имеющим права на имущество должника. Он приобретает непосредственно, в результате своего права требования, очень важное право — право генерального залога на имущество должника, предусматриваемое статьей 2092 гражданского кодекса. Это право выражается в наложении ареста в случае неисполнения обязательства. Эта гарантия очень ценна, но она только дополнительная и иногда неэффективна, ибо кредитор не имеет ни на какое имущество ни права преимущества, ни права следования. Он находится в зависимости от конкуренции других кредиторов, которые могут сократить его право до такой-то доли; он незащищен против третьих приобретателей, если должник отчуждает свое имущество.

В этом личное право уступает вещному праву. Но здесь также есть обратная сторона: это — удобство, что за должником остается свободное распоряжение своим имуществом; меньше стесняется его хозяйственная активность; ему шире предоставляется возможность совершать мировые сделки, отчуждения, все, что перемещает или создает ценности.

Это замечание приводит нас к указанию основной хозяйственной идеи, лежащей в основе всякого установления личного права — идеи к р е д и т а. Кредитор — это лицо, которое оказало кредит другому лицу. Этим объясняется его положение: вместо того, чтобы обеспечить себя абсолютным, исключительным правом на определенную вещь, взятую из имущества должника, он оставил за должником свободное распоряжение его имуществом. Он оказал ему доверие: право требования (*créance*) доверию (*confiance*). Доверие, которое, как всякое доверие, содержит в себе риск.

Все подобные соображения экономистов о выгодах и невыгодах кредита могли бы здесь найти себе место. Обязательственное право это — только юридический аспект общественных явлений, экономическим аспектом которых является кредит.

Эта идея кредита, которую мы только что установили в основные понятия личного права, будет господствующей идеей всех наших занятий в этом году. Наша программа в конечном итоге есть изучение юридической организации кредита. Мы увидим, что с этой идеей связаны все вопросы, которые мы должны будем исследовать. План курса складывается отсюда совершенно естественно.

П л а н к у р с а. Одно из двух: или кредитор довольствуется тем, немного ненадежным, правом, которое мы только что определили, или он будет испытывать потребность сделать свое положение более уверенным, обеспечив это право известными придаточными правами.

В первом случае перед нами будет обязательство в том виде, какой мы только что анализировали: **О б щ а я т е о р и я о б я з а т е л ь с т в.**

Во втором случае предполагается более сложная обстановка; придаточные права обеспечивают исполнение главного права: **Т е о р и я о б е с п е ч е н и й.**

Это придаточное (акцессорное) право — в одних случаях представляет собой личное право — **л и ч н о е о б е с п е ч е н и е**, в других случаях — право вещное: **в е щ н о е о б е с п е ч е н и е** (заклад, антихрез*, ипотека). Здесь опять выступает вещное право, но с иной экономической функцией — в качестве придаточного права, обеспечивающего право требования.

Итак, этот курс будет состоять из двух частей: 1) **о б щ а я т е о р и я о б я з а т е л ь с т в**; 2) **т е о р и я л и ч н ы х и р е а л ь н ы х о б е с п е ч е н и й**¹.

В первой части, в соответствии с официальной программой, мы должны будем объяснить тексты 3-го и 4-го титулов III книги гражданского кодекса («Договоры или договорные обязательства вообще. Обязательства, возникающие без соглашения»): статьи 1101—1386. С этим мы свяжем объяснение текстов 20 титула III кн., относящегося к погасительной давности, простому способу прекращения обязательств.

Помимо этого, законодатель регламентировал (титул 6-й и сл.) известное число специальных договоров. Каждый из них требовал бы отдельного изучения. Недостаток времени заставляет нас отобрать главные вопросы, относящиеся к этим текстам, которые мы изучим в общей теории обязательств, в качестве приме-

* Антихрез есть договор, по которому кредитор приобретает право владеть плодами недвижимости, с обязанностью засчитывать их ежегодно в погашение процентов, если кредитор имеет право на получение процентов, и затем — в погашение капитальной суммы его требования (ст. 2085 гражданского кодекса). — **П р и м е ч а н и е п е р е в о д ч и к а.**

¹ [Содержание этой книги составит только первая часть.]